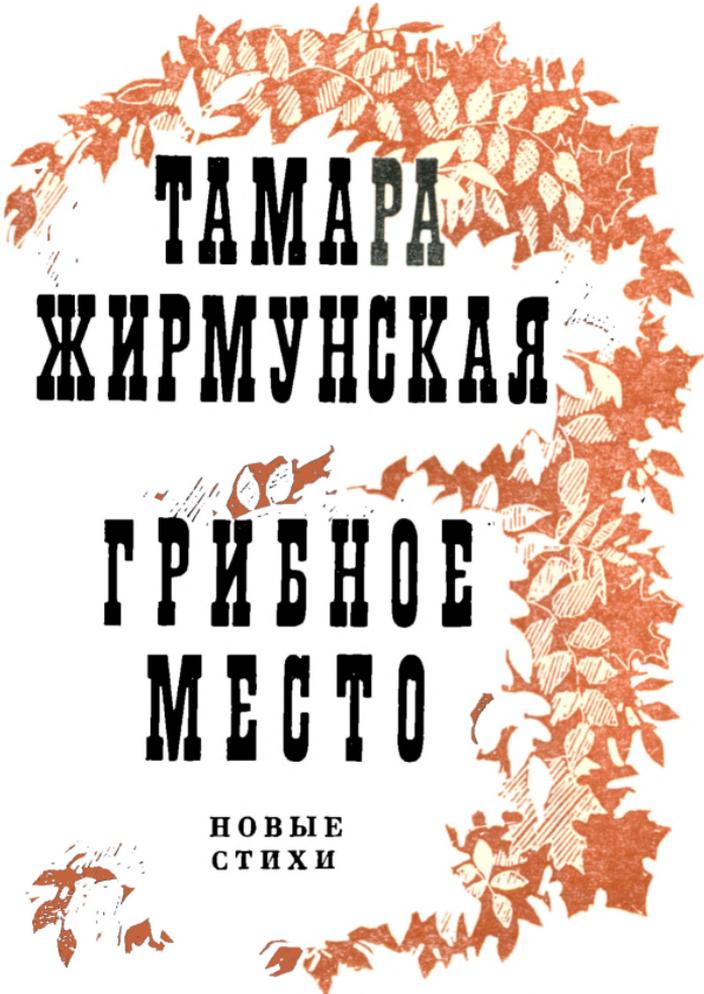

ТАМАРА
ЖИРМУНСКАЯ

ГРИБНОЕ МЕСТО

**ТАМАРА
ЖИРМУНСКАЯ**

**ГРИБНОЕ
МЕСТО**

**НОВЫЕ
СТИХИ**

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ МОСКВА 1974

Лирика Тамары Жирмунской, автора нескольких стихотворных сборников, раскрывает мир интересов и раздумий современницы, чье детство совпало с годами войны, а пора зрелости — с нынешним временем. Автора волнуют этические проблемы, она пишет о ценности людского взаимопонимания, о высоком предназначении искусства, о любви.

© Издательство «Советский писатель», 1974 г.
Стихи, отмеченные в содержании звездочкой, публиковались до 27 мая 1973 года.

Все стареет: Солнце и Земля,
фильмы, словари и протоколы...
Не стареют лишь учителя
полной и неполной средней школы.

Может, мы их старили в те дни,
видя в юных
слишком уж степенных.

На уроках хмурились они,
чтобы расцвести на переменах.

Может, есть магическая связь,
темная для зрения и слуха:
наша детскость им передалась,
как ветрянка или же краснуха.

Точно сплясь юность нам вернуть,
прежним светом светятся донныне.
Даже уходя в последний путь,
лицами сияют молодыми.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО

Неотразимость старых лент...
Неповторимость давних лет...
Плакаты. Молнии. Агитки.
Чтоб донести размах до нас,
лез оператор, как гимнаст,
на рукотворный пик Магнитки.
Без длиннофокусных затей
сперва у топки попотей,
потом под белого медведя
подляг,
чтоб видел зритель твой,
что ты не шулер,
головой
рискуешь,
правдой факта бредя.

Я проповедник тонких средств:
люблю, когда журчит подтекст,
люблю монтажные уловки.
Но правда факта — это вещь!

**И вещь — когда ты взмокнешь весь,
хватая суть без лакировки.
Пусть «Челюскин» твой погиб,—
не хнычь, не прячься, не беги,
а, припадая на треногу
(как мамонт, раненный во льдах),
снимай,
гони постылый страх.
Цел объектив —
и слава богу...**

БАЛЛАДА ОБ ОДНОЙ КОМНАТЕ

Все в одной комнатке, все в одной комнатке:
шапка на стенке и детские коврики.
Кончил училище — въехали вскорости
в дом, где не в комнатке жаться, а в комнате.
Комната светлая, комната длинная,
бывшая бальная или гостиная...
Муж на войне, ребяташки простужены.
Топись «буржуйку», чтоб чаем поужинать.
«Мне бы свиданьца. Им бы здоровьица!»
Горькая сводка от спички коробится.
Ясно от зарева, мрачно от копоти.
Все в одной комнате, все в одной комнате...
Радость победы! Бульон из говядины!
Ближних друзей напоили, спровадили.
«Папа!» И пляски ребячьи, дикарские.
«Папа, еще одну сказку!» До сказки ли?
Глупый, желанный, родной, нерешительный.
«Спать, полуночники, спать, нарушители». .
Шепчешь в жару, а командуешь в холоде.
Все в одной комнате, все в одной комнате...

Стали юннатами, дом затоварили
птицами, рыбами, всякими тварями.
Муж говорит: «Птицы — самое лучшее.
Я молодею, когда их послушаю».
Должность оседлая, да беспокойная.
После дежурства соснуть бы. Какое там!
Разве уснешь в этом щебете, гомоне?
Все в одной комнате, все в одной комнате...
К дочке подруги, а к сыну товарищи.
Кофе какое-то черное варишь им.
«Что ж вы родителей из дому гоните?»
Все в одной комнате, все в одной комнате...
Дали кому-то папаху. Два вечера
мужу пеняла: «Квартиру бы! Четверо!»
Взгляд ухватила — и больше не спорила.
Бог с ней, с квартирой, с папахой тем более.
Что-то он стал невеселый, замотанный.
Не заболел ли моими заботами?..
Сын защищает диплом своевременный.
К дочери ходит жених неуверенный.
«Вы мне парадную скатерть не комкайте!»
Все в одной комнате, все в одной комнате...
Вышла — уехала. Кончил — направили.
Сам-то сгорел на работе, как в пламени.
Ходишь и планки считаешь на кителе.
«Милые, вот вы меня и покинули.
Тварей не держите, свет экономите.
Все одна в комнате, все одна в комнате».

Немецкая группа была во дворе,
за каменной аркой.
Меси возле двери густое пюре,
по лестнице шаркай.

В прихожей встречал неизменный вопрос:
— Как спали? Гут морген! —
Галоши подхватывал яростный пес
с улыбчивой мордой.

Чему нас учили? Простейшим вщам.
Культуре и братству.
Не горбись. Мычанием не отвечай.
Не лги. Не злорадствуй.

Шел март сорок первого. Мизерный срок
остался до лета,
а мы хохотали, усевшись в кружок,
над Гаусом и Гретель.

**Лото, самоделки, столовый прибор,
стихи — и так дале.
Германия шла за Германию в бой.
А мы и не знали...**

ГАВРИЛОВ ПОСАД

В сорок третьем, в мартовские дни,
выпала мне царская награда:
возвратились сверстники мои
из глуши Гаврилова посада.
Молчаливо, громко, тяжело
топали по собственному дому.
— Посмотри. Погода. Повезло,—
вдруг на «о» один сказал другому.
Так он плотно вылепил слова,
буква «о» в них так согласно пела,
точно разом выкатились два,
трехколесных два велосипеда.
Посмотри... Погода... Повезло...
«О», навло обстрелам и фугаскам,
полнилось, пузырилось, текло —
молоком гавриловопосадским.
Москвичи, евреи по отцу,
как они проникли в эту тайну,
в суздальскую, что ли, красоту?
Я не знаю, мудрствовать не стану.

**Окали охотно, широко,
истово, солидно, домовито.
Окало оконное стекло,
окало округлое корыто.
До меня их говор долетал,
и я рыбкой прыгала с постели.
Ни семья, ни двор, ни Левитан
выправить дефекта не умели.
Логопеды потрясали «а»,
буквой «а»:
— Упрямыцы, вот как надо...—
Разражалась им в ответ Москва
хохотом Гаврилова посада.**

★ ★ ★

Две ленинградки,
компаньонки, что ли,
учившие детей
в советской школе,
водившие отряды
в Летний сад
(теперь их сорванцам под пятьдесят),
бранившие педологов и прочих
судей,
до нежной психики охочих,
прожившие полжизни без удобств
в квартире
с видом на Дворцовый мост,
владелицы газетных фоллантов,
не допускающие экскурсантов
в кунсткамеру своих старинных чувств,
не верящие в бога — разве чуть? —
прослывшие чудачками в подъезде,
два раза в год
на Пискаревку ездят

**и там не плачут
и не бьют поклоны —
прямые,
как ростральные колонны.**

ПАРТИЗАНСКАЯ ПОЛЯНА

Этим летом я в Брянске была.
Нас возили туда, где гола
глыба камня — немая громада,
где фамилии павших бойцов
выступают из узких столбцов,
где ни лекций, ни справок не надо.

На часах у невидимых врат
цепенел пионерский отряд,
как на снимке, вне времени, в сказке.
Сделав черное дело свое,
поднималось над ним комарье,
не дождавшись зеленой остратки.

Был июнь.
Но пронзительный шквал
синий ситец юбоченок вздымал
и трепал треугольнички блузок.
Я заметила вслух, — не совру, —
что такой стоицизм на ветру
убедителен только лишь в ТЮЗах.

**Но спартанец двенадцати лет
возразил мне, что каждый одет
«будь здоров».**

**И, скептическим взглядом
обозрев с головы и до ног,
все пыхтел, и хотел, и не мог
уяснить, что за птица с ним рядом.**

**И внезапно почудилось мне,
будто гравий скрипит в тишине,
будто голос идет ниоткуда:**

— Долгожитель!

**У траурных плит
неужели тебя утратит
рядовая, земная простуда?..**

**Тургеневские, милый мой, места,
тургеневский ракитник над водою,
тургеневская сила естества
в деревьях, изрубцованных войною.**

**Ты знаешь ли наплывы на коре?
Чтоб там, внутри, курсировали соки,
стволы с железной хваткой лекарей
самим себе накладывают скобки.**

**И вот наплыв. Заплата или нет,
скорее, лицевая хирургия.
Тогда, теперь и через триста лет
тургеневская Средняя Россия.**

**Мне тут оказан ласковый прием
едва знакомой женщиной из Мценска.
Грибы едим, и чай до пота пьем,
и ставим чайник на «Курьер Юнеско».**

**Такой родимый запах от грибов,
от свежей булки, испеченной к чаю...
И все это похоже на любовь.
Ко всем? К тебе? К Тургеневу? Не знаю...**

* * *

Умет или Кирсанов,
закат или рассвет?
Здесь нет универсамов,
часов на башне нет.

Польною, пылью, полем
пропахло все вокруг...
Давай с тобой деспорим,
далеский строгий друг.

Ты прав: я тут чужая,
одета невпопад,
кому-то подражая,
гуляю вдоль оград.

Что из того, что пылью
окутаны,
в пыли
когда-то жили-были
здесь пращурь мои?

**Они меня не звали
упрочивать семью,
они меня едва ли
признали б за свою...**

**Но смейся или фыркой,
а я скажу опять:
нет, не славянофилкой,
хочу с о б о ю стать.**

**История незрима —
и тишь,
и конский топ —
как мощи Питирима,
запаянные в гроб.**

**Не постным поделуем
потешить старика,—
хочу приникнуть к струям
живого родника.**

**Среди жары мертвящей
как мне пронзил язык
в послевоенной чаще
прадедовский родник.**

РУССКАЯ БОРЗАЯ

**Из какой-то там дыры,
из дворняжьей конуры,
в жар меня бросая,
русская борзая.
Благородный экстерьер,
наведенный револьвер
вытянутой морды,
вид ужасно гордый.**

**Эта нега, эта статья!
Их осталось — посчитать.
Время, что ли, смыло?
Говорят, что Бондарчук
раскопал пятнадцать штук
для «Войны и мира».**

**Здравствуй, чудный мой кобель.
Что же мне сказать тебе?**

**Зря зубами блещешь:
я к тебе от всей души,
лай, но только не брешь.
Приучили. Брешешь.**

**Твой хозяин бестолков:
ты охотник на волков,
а не на воришек.
Ведь и так тяжел засов,
беспородных всяких псов
ведь и так излишек.**

**И пора бы знать тебе,
что борзым показан бег,
«ах ты!», а не вахта.
Сердце так заведено,
что в бездействии оно
гибнет от инфаркта.**

**Что же делают с тобой?
Говорят тебе «тубо»,
мясом губы мажут,
перед носом машут.
Крикнут «пиль» — в один бросок
ты хватаешь свой кусок,
душу мне терзая,
русская борзая.**

ТЯГА

Я сплю, мне сладко усыпление...

Е. А. Боратынский

Кирсановское имение
записано было Марюю.
Угодья были отменные,
доходы были немалые,
цвела усадьба сервизами,
дворовые — синяками,
крестьяне слыли сердитыми,
крестьянки рано сникали.
Бедуя в отхожих промыслах,
дерюгу в лоханях тискаая,
что знали они о помыслах
помещика Боратынского?
И кем это было начато,
кем стронуту, кем разбужено?
Дуняша-то, а Дуняша-то
словесное вяжет кружево —
заместо того, чтоб затемно
отцу помогать на пасеке.

**Бабье ли это занятие —
складно слагать побасенки?..
Проснитесь, Евгений Абрамович,
проститесь с мирами высшими!
Смогу ли я вас обрадовать
своими дерзкими виршами?
Я, вам далекая-близкая,
той самой Дуняшки правнучка,
которая губы облизывала,
отведав кнута и пряничка...
Как было с моими предками,
неясно я вижу издали.
Не вы ль нам дымкáми редкими,
над неказистыми избами
вitalи незримой тенью,
пример крепостным подавая?..
Но тяга к рифмоплетению
у меня родовая.**

★ ★ ★

Родная речь, родное слово,
родимый край, родимый дом —
как мы бездарно, бестолково
вас подменяем и крадем.

Боюсь, от этих слов целебных
останется одна труха.
«Родное слово»?

А, учебник!

«Родимый край»?

Рефрен стиха!

Когда язык

высоким тыном

от суесловья оградим?

Чтоб дом

был истинно родимым,

а слово

истинно родным...

Мы ушли от шумихи бесплодной,
мы впитались в еловую тишь.
— Мама, гриб-то какой чистоплотный! —
с удивлением ты говоришь.

Мой поэт двух вершков с половпной,
мой с рождения певчий птенец,
вот мне счастье когда привалило:
муза руку дала наконец.

Больше мне в словарях не копаться,
чащей слов наугад не брести,
слог, не высосанный из пальца,
дочь мне выдаст «от двух до пяти».

Я не крикну — куда ты полезла?
Ель не может тебя уколоть.
У детей, у дерсвьев, у леса
в самом деле пречистая плоть.

**Ну, а мы засорились однажды
и не помним к истоку путей.
Чувство слова пронзает нас дважды:
в раннем детстве и возле детей.**

**Вдруг за спешкою мы не заметим,
как порвется последняя нить?
И идем мы на выучку к детям
и не знаем, чему их учить.**

ПИСЬМО В БАКСАН

**Ребята интерната номер три,
Фатимы, и Мадины, и Омары,
читатели мол, держу пари,
что вы не ждете писем от Тamarы.
Но я не забываю, как добра
была к моей особе Кабарда.**

**Когда меня приветствовал оркестр
из медных труб и даже барабана,
когда в самом Баксане и окрест
запахло обмыванием барана,
я знала, что испить мне суждено
из пьяной чаши трезвое вино.**

**Дай бог, чтобы осталась горстка строк
ото всего, чем я листы мараю.
А в глубине души я педагог
и, кажется, могла бы темной ранью
будить ребят для света, для тепла,
заслуженно любимой быть могла.**

**И если бы проведаль кто-нибудь
все тайны стихотворного размера,
я бы сказала: «Детка, в добрый путь!
Читал ли ты Фазиля Искандера?
Он молод и почти из ваших мест.
Он пишет сочно, точно грушу ест.**

**Но помни: сочинять — не ремесло,
не лестный вид общественной нагрузки.
Писать на совесть равно тяжело
по-кабардински или же по-русски.
Нет на земле плохого языка,
а вот плохие книги есть пока».**

**С чего бы это, но у вас в гостях
впервые я вообразила живо,
что жизнь могла сложиться и не так,
как я ее по слабости сложила.**

А может быть, я зря себя казню?..

ТАЛАНТ

И. П. Погорелко

**Хирург завоевал авторитет...
Пока коллеги за ухом чесали,
он, как вышагивает стих поэт,
выстаивал профессию часами.**

**Толпятся ординаторы за ним,
к нему воскресшие идут по стенке.
Разрез его всегда неоспорим,
и шов его не ждет переоценки.**

**Завидна мне раскрепощенность рук,
сутулость не конторщика — Атланта,
непререкаемость его заслуг,
безоговорочность его таланта.**

**А я устала от стихов на час:
то рвут из рук, а то не нужно даром.
Критерий где? Мы путаем подчас,
кто гений, кто способен, кто бездарен.**

**Хочу, чтоб был вещественным талант,
талант, а не удобная личина.
Чтоб, отработав, сбрасывать халат,
где каждое пятно красноречиво.**

* * *

Вот семейный наш альбом.
Дед с кокардой машиниста,
рядом бабушка Анисья
и детипки всем гнездом.

Вот мои отец, и мать,
оба юные па диво,
тонут в недрах коллектива,
в группе их и не видать.

Это я с большим мячом.
Я за партой. Я на пляже.
В загсе тоже я — пора же!
Я в обнимку с малышом.

А теперь малыш один.
Мыслит. Хмурится. Хохочет.
Плачет. Кашу есть не хочет.
Пляшет — в яслях карантин.

**Он на стуле. Он в тазу.
Он в прогулочной коляске.
На стене его «каляки».
А! Художнический зуд!**

**Предки блекнут? Может быть:
их позиция статична,
их удобно со штатива
долгой выдержкой морить.**

**То ли дело блиц включать,
схватывать не вежи — вешки,
оставляя вечной спешки
и любительства печать.**

**И, теряя день за днем
и трезвея год от года,
в свете нового подхода
пересматривать альбом.**

КРЕСЕЛЬНО-КАНАТНАЯ ДОРОГА ПОД НАЛЬЧИКОМ

**Кресельная... Канатная...
Сядем? Рискнем? А надо ли?
Надо ли на ходу,
словно птенец на жердочку,
словно котенок в форточку:
мамочки, упаду!**

**Гнаться за кабардинцами?
Это ж у них в традиции:
без оглядки в седло —
и над дерев макушками,
над Эльбрусами, Ушбами
понесло, понесло.**

**Все-таки я равнинная,
мнительная, ранимая.
Но промедленье — стыд.**

**Плюхаюсь в кресло жесткое,
цепью себя захлестываю —
и, дорогой, прости...**

**Дура, артистка, пигалица,
долго ли просто вывалиться?
Спрашивать-то с кого?
Мчится снаряд космический
под невиннейшей вывеской,
как в ЦПКиО.**

**Рушится воздух, режется,
лодочки чудом держатся
на застывших ногах.
Чтобы еще когда-нибудь
я запросилась на небо —
да сохрани аллах!**

**Но долетела, высвободилась
из переплета, высадилась.
Хорошо? Хорошо!
Сердце усталым маятником:
если рискнула в маленьком,
может, рискнешь в большом?**

СВАДЬБА ТРИДЦАТИЛЕТНИХ

**Свадьба тридцатилетних.
Не хохочем, не плачем.
Ни даров беспредметных,
ни студенческих складчин.
Нет бедовых, бродячих,
холостых, безбилетных
босяков и босячек.
Свадьба тридцатилетних.
Заказали севрюгу
виновники бала...
Всё простили друг другу —
и чего не бывало.
Без взаимных претензий
сладко? солоно? пресно?
И жених вроде трезвый,
и спокойна невеста,
с в о е г о обнимает
одною рукою
и очков не снимает:
любите такую...**

**Может, просто отстала
от своих однолесток,
оставаться устала
при пиковых валетах?
Муж — испытанный химик,
папа — важная птица.
Неизвестное имя.
Поможет пробиться...
Так не страсть и не чувство,
а житейская проза?
Ну, а вдруг это — чудо:
и а ш л и с ь, хоть и поздно?
Двух сердец воскрешенье
(забудем о сплетнях)
или так — замещенье
элементов валентных?..
Свадьба тридцатилетних.**

* * *

Как мала моя дочь!
Как стара моя мать!
Как должна я
обоих детей опекать!
Дочке — сказки читать,
маме — правду смягчать,
на одну покричать,
а другой промолчать.

Нелегко вместе с дочкой
твердить мне азы,
запрокидывать к небу
картавый язык.
Нелегко наперед
вместе с мамой мой
разгонять отложения
всяких солей.

Две обузы —
на что я себя обрекла!

Два гремячих прицепа,
два тяжких крыла,
две мои половины,—
я и дочь, я и мать.
Как мне их отделить?
Как себя разорвать?

АВТОМОБИЛЬНЫЙ СПОРТ

**Автомобильный спорт хорош
для слабосильных силачей.
Когда ты в руки руль берешь,
земля твоя, а ты ничей.
Ты можешь взять бензину впрок,
«поддай!» кричать, «еще поддай!».
Как жмут рукою на курок,
так жать ногою на педаль.
Ты можешь бешеную прыть
родить движением одним,
хоть день, хоть час, хоть миг побыть
не пассажиром — рулевым...
Но и владельцу автоправ
забвенье ставится в укор,
тебя хватает за рукав
дорожных знаков частокол:
**НЕ ОБГОНЯЙ,
СБАВЬ СКОРОСТЬ,
СТОЙ,**
как будто ты на всем ходу**

**столкнешь с орбиты шар земной,
собьешь Полярную звезду.
Но у тебя свои дела —
и некогда озорничать.
Ведь жизнь твоя заведена
скупым ключом на краткий час.
Как у тебя горит лицо,
когда ты видишь путь впотьмах,
само Сатурново кольцо,
а не баранку
сжав в руках.**

★ ★ ★

Мои друзья задумали родить
второе чадо — после перерыва
в пятнадцать лет.
Поэта, может быть,
красавицу или иное диво.
Жму руку смельчакам:
— Ура, друзья!
Решусь ли на подобное? Едва ли! —
Жду срока, после коего нельзя
назад, в кусты, и поминай как звали!
Еще не звали даже...
Стыд и срам
тому, кто косо смотрит на брюхатых.
Родись, малыш, глазами по сторонам,
грядущего увесистый задаток!..
Так как же нам отметить торжество
и как для незнакомца постараться?
Во что мы будем пеленать его,
уж не в клочки ли наших диссертаций?

И чем кормить?
Искусственная смесь
ему, я полагаю, не по вкусу.
Мать, не финти! Давай младенцу есть,
как некогда Марья Иисусу...
Как мы внушим ему,
что лучший род
занятий — состраданье, соучастье?
Как оправдаем вечный наш цейтнот?
Ведь человек рождается для счастья...
Так вот в чем фокус:
нужен свежий глаз,
чтоб все увидеть в натуральном свете.
Не к этому ли понуждают нас
под занавес явившиеся дети?

НЕРАЗДЕЛЕННАЯ ЛЮБОВЬ

**Неразделенная любовь
стоит, продрогшая, в подъезде,
неразделенная любовь
на буферах и крышах ездит,
молчит, воды набравши в рот,
когда над ней смеется кто-то,
билеты на двоих берет
неразделенная забота.**

**Любовь враждебна дележу,
но, лишь на улицу я выйду,
я в чьих-то лицах разгляжу
неразделенную обиду,
не разделенную ни с кем,
упрямо, замкнуто, ревниво,
висящую на волоске
и не хотящую разрыва.**

**Уж лучше с ходу бить отбой,
уж легче сразу:**

или — или.

**Неразделенная любовь!
Делили, да не разделили.**

КРЫЛЬЯ

Грузный, обрюзгший мужчина в летах
ты ли?

Ты же, когда мы встречались, летал.
Где твои крылья?

Ты говорил, что влачиться — позор,
пешие — пешки.

Я понимала, что ты не позер,
молча глотала насмешки.

Как ты боялся любого манка:
женщины или
девочки — предполагалось, меня,—
вяжущей крылья.

Как ты страшился домашних оков,
взвешивал, медлил...
Все-таки несколько острых глотков
ты мне отмерил.

**Осточертело тебе, что бескрыл
гадкий утенок.
Два укороченных мне подарил,
два уцененных.**

**Все же, когда я попала впросак,
подал мне руку,
растолковал, что летают не т а к...
Благодарю за науку.**

**Я прощаю грошное их мотовство,
древний зуд**

щегольнуть

победами.

Все проблемы решали

и лишь одного,

что им делать со мной,

не ведали.

Каждой крохой тепла все равно дорожу.

На вопрос неуверенный — помнишь ли? —

все я помню, скажу, все я знаю, скажу,

кавалеры мои, несмышлепыши.

* * *

Мне рассказали странную новеллу
про женщину, которая однажды
увидела знакомого в такси...
А ехал он в Малеевку по делу,
и женщина, сгоравшая от жажды,
ему сказала: — Братец, подвези!..

Он знал по слухам и по недомолвкам,
что женщина не просто едет в гости,
что в той глуши живет ее Адам.
И было ему тягостно-неловко:
«А вдруг там лопнет кто-нибудь от злости,
когда ее с рук на руки я сдам?..»

Попутчица сидела и молчала,
не досаждала светской болтовнею,
не притворялась.
(Падал крупный снег.)

**И он, довольно сумрачный сначала,
теплел, светлел и чувствовал спиною,
какой она прелестный человек.**

**И вдруг чудачка варежкой цветастой
дотронулась до рукава шофера
и стала бормотать, как в забытьи:
— Я не хочу... причиною несчастий...
Не выдержу малейшего раздора...
Остановитесь! Дайте мне сойти!..**

**И темь, и снег, и пятый дачный полс, —
а ведь она трусиха, горожанка, —
и худоба ее, и горький вид
растрогали его.
Не беспокоясь
о совпадение с истиной,
он жарко
стал объясняться ей в ч у ж о й любви.**

**Она сказала «все не так!» — и вышла,
чтобы брести к последней электричке,
чтобы вернуться под бескровный кров...
Он пробовал забыть ее — не вышло:
случайно, а вернее, по привычке,
купил он книжицу ее стихов.**

**В них все:
тепло, светившее ей куцо,**

**последнее ее десятилетье,
предчувствие больничной белизны...
А как, вы полагаете, даются
стихи, которым даже не бессмертье,
а только годы жизни суждены?**

Устала я... Поверь и не кори.
Не говори, что сделано так мало.
Я руки состирала до крови,
хоть в проруби белье не полоскала.

Я уставала много дней подряд:
кормила, мыла — разве все упомнишь?
Хоть у меня не дюжина ребят,
а лишь один-единственный детеныш.

Прабабушку мою не поминай.
Ей было плохо, мне намного лучше.
В далекие, глухие времена
едва ли бабы были так живучи.

Но если паром выйдет весь мой дар
и не сумею ни любить, ни петь я,
какую бы отсрочку век ни дал,
я не хочу такого долголетия.

СНЫ

Такие сны мне снятся в эту зиму,
так радостно, раскованно и зримо
все в них: от детских санок с бахромой
до поезда, летящего стрелой.
Провалы... Взлеты... Я спешу куда-то,
одетая легко, щеголевато,
как никогда одета не была,
не по годам спокойна и смела.
А сколько лет мне?
Двадцать или десять?
Не знаю я...
Без паспорта, без денег,
без аттестата, без диплома —
р-раз —
и вот уже на воздух поднялась.
Опомнись! На четвертом-то десятке!..
А это значит, я еще в порядке:
и снег, и свет, и сердца сладкий стук...
А то с чего бы мне приснились вдруг
такие легкомысленные санки,

**такая куртка, красная с изнанки,
подруги детства, и отец, и мать,
и дурасть юных —
время подгонять.**

ПРОСТОР

**...Но вот однажды самолет
меня унес.**

**И я бесстрастно
смотрела, как внизу цветет
незаселенное пространство.**

**Тут не слышали про «метраж»,
не бредили «жилищной нормой»,
чернел единственный шалаш
на берегу реки огромной.**

**И милосердной медсестер,
и хирургии эффективней
мне показался тот простор,
серебряный, молочный, синий...**

Вернулась я.

**Угрюмый быт
опять велит впрягаться рикшей,**

**опять завалами грозит
душе, недавно воспарившей.**

Но та — жива.

**С недавних пор
есть у нее своя опора:
простор Оби,
тайги простор —
предвестник вечного простора.**

СТИХИ О ШУБЕ

Как одевалась я? Пожалуй,
никак.

С детдомовской пижамой
свой гардероб сравню, шутя:
врезались швы, съезжали плечи,
верх с низом вечно ждали встречи,
но прожили в противоречье
войну и двадцать лет спустя.

Нет, баста! Я себе купила
такую шубку, что убила
всех наповал.

«Вот это — да!»

Ондатра или не ондатра,
но крик прогресса, крах стандарта,
всего три сотни — эка трата —
всего два месяца труда.

Ну, как пройдуся я в шубке с шиком,
перелицовкам, перешивкам
твердя решительное «нет».

Да разве это прихоть? Это
я просто в первый раз одета,
хоть на пороге бабье лето,
хоть не шестнадцать — вдвое лет.

Дивитесь, крали в Монреале!
Вам шуб таких не показали:
им тесен выставочный зал.
Держитесь, западные зубры!
Такие новшества
вам любы?
Сама достигла модной шубы.
Сама! Никто не помогал.

СЛАБИНА

Внушаемая я:
ты можешь мне внушить,
что лучше бы тебе с другой, попроще, жить,
что тяжкая судьба —
жена с умом в придачу.
И я тебе поверю и поплачу.

Я близорука. Я не узнаю
друзей.
Цепляюсь за руку твою,
в крошечной тьме не сделаю и шагу,
все уповаю на твою отвагу.

Какая я разиня —
просто страх.
Умею заблудиться в трех соснах,
не нахожу знакомого маршрута,
не в те подъезды тычусь почему-то.

**Но мне нельзя внушить,
что правый — виноват.
Мед
сослепу
я не приму за яд.
Собравшись выплыть там,
где лодки тонут,
не попаду ошибкой в сонный омут.**

**Ты, свыкшийся с моею слабной,
привыкший быть
опорной стороной,
не говори, что я невыносима,
не делай меня слабою насильно.**

Какой архив мы развели!
(Из ничего как много звона...)
Его потом не сдашь в ЦГАЛП
и не продашь с аукциона.

Что будет делать наша дочь
с мешками писем, сочинений,
с фотоальбомами — точь-в-точь,
как если б тут скрывался гений.

Она их станет разбирать,
с трудом одолевая дрему,
и снова сунет под кровать,
не в силах резать по живому.

Э, девочка, не дорожись,
ни адресов, ни дат не помни.
Ведь это все — чужая жизнь.
Крой свою поэкономней.

ТРИ МАЙОРА

Хотя состарюсь я песторо,
года, как деньги, любят счет...
Но отступают три майора,
чтоб пропустить меня вперед.

Ах, не такой уже я стонок,
не глыба мрамора, отнюдь!
Любой из них любви достоин,
любой сумеет умыкнуть.

Стихи, дебаты и обеты,
привычку к дельному труду —
я все отдам за два просвета,
за рукотворную звезду.

Теряю нити разговора
и не кичусь своим умом.
Мне обещают три майора
беречь наш край, наш общий дом.

**И столик кажется покатым,
и у вина армейский вкус,
и кофе пахнет суррогатом,
а я, счастливая, смеюсь...**

**Да, но скребут на сердце кошки,
что чаша выпита до дна,
что буду мерзнуть на подножке
седая, старая, одна.**

**Чего хочу душою жадной?
Чтоб три майора ПВО
по мне вздохнули контрабандой.
И все. И больше ничего.**

★ ★ ★

Пока росла, все были молодыми.
Никто не умирал, не угасал.
Никто на идилической латыни
ужасных приговоров не писал.
Врачи микстурой спаивали сладкой,
укладывали в тридцать семь и шесть
и щекотали в горлышке лопаткой,
которой бы мороженое есть.
Грознее, чем бесцветная вакцина,
природа не придумывала бед...
Какой суровой стала медицина
за эти восемнадцать — двадцать лет!

Чужой болезни страж,
не знаешь, как помочь.
Стакан, платок подашь,
сидишь, не спишь всю ночь.

Не смотрит на меня.
Ну что ж, не в этом суть!
Сползает простыня —
оправить, подоткнуть.

Рука висит, как плеть, —
удобней положить...
Сама начну болеть,
кто станет сторожить?

Кто бросит все дела?
Ворчат друзья мои:
свой дар, мол, принесла
я на алтарь семьи.

Пусть не могучий дар —
пронзительный зато.
«А он тебе что дал?»
И в самом деле — ч т о?

Троллейбусы слышны,
а я еще не сплю.
Лицо белей стены,
и я его люблю.

Рот слабо приоткрыт,
два склеенных угла.
— Спасибо, — говорит.
И по слогам: — Спас-ла...

И ничего не жаль,
лишь был бы он здоров.
И милосердья жар
дороже всех даров.

**Как у меня дела?
И мило, и не мило:
ребенка родила,
отца похоронила.**

**Природа — бюрократ,
что, глядя в долгий ящик,
законной смеле рад
входящих-исходящих.**

**Или бухгалтер тот,
что лишь балансом бредит
и в годовой отчет
заносит дебет-кредит.**

**Но я не автомат,
не счетное устройство.
Смысл горестных утрат,
рождений смысл, откройся!**

**Но мне открыто лишь
в упрек и в утешенье
роднейшее из лиц
в трехкратном уменьшенье.**

И, руку Даля сжав:

«Пойдем, да выше», —

все тише, тише.

**Куда он звал в предчувствии конца
не Дельвига, не брата, не отца,
за что чужого удостоил чести:
«Пойдем... да вместе»?**

**Что это было? В самом деле бред?
А может, знал бессмертия секрет
ведун великорусского, живого
родного слова?..**

**О, сколько м о л о д я т и н ы кругом!
Не разрушайте этот ветхий дом.
Того гляди, достигнете суровых
л е т с е р е д о в ы х.**

**А там уже придется дать отчет,
кому вас надо,
кто вас призовет,
кто выдохнет при вас на лобном месте:
— Пойдем — да вместе.**

★ ★ ★

А. Б.

— Пора подумать о душе! —
сказал мой друг.
А между прочим,
он был в забое, в блиндаже —
десантником, разнорабочим.
Когда в санбате не спеша
сквозную промывали рану,
он знал:
бессрочная душа
десантнику не по карману...
Кто над душою не стоял,
кто не тянул живую душу,
ее бросало и в обвал
и вымораживало в стужу...
Но вот ни шахты, ни войны, —
закат, теплынь и бабье лето.
И мы вдвоем осуждены
сносить и отметить все это.

**Жизнь взбудоражена до дна,
а не бесплотна,
не бесполо.**

**К одежде лишнут семена,
призывно пахнет маттиола.
Мой спутник уронил вихор,
чтоб семечко с ладони сдунуть,
и вставил в праздный разговор:
«Пора и о душе подумать...»**

Везет мне на эти поминки —
столетье и больше спустя, —
где тщатся отдать недоимки
и варится славы кутья...
Немое пространство озвучив,
потребовав души в залог,
к нам нехотя сходят и Тютчев,
и Фет, и Некрасов, и Блок.
Что им
наши рукоплесканья?
И вздохи? И шепот? И крик?
Клубы фимиама пуская,
мы сами пьянеем от них...
Был Тютчеву крест уготован.
А Фет сам себя обирал.
Некрасов был так обескровлен
и так тяжело умирал.
А Блок...
Но спекаются губы,
когда это имя твержу.

**И дни покатались на убыль,
и я подошла к рубежу.
Внучатой племянницей с краю
безвестно и робко стою.
И все-таки я повторяю
на горечь и радость свою:**

**«НО ВЕРЮ — НЕ ПРОЙДЕТ БЕССЛЕДНО
ВСЕ, ЧТО ТАК СТРАСТНО Я ЛЮБИЛ,
ВСЕ ТРЕПЕТ ЭТОЙ ЖИЗНИ БЕДНОЙ,
ВСЕ ЭТОТ НЕПОНЯТНЫЙ ПЫЛ!»**

В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ

**Архив Ларисы Рейснер жив,
лишь библиограф из отдела
на нем проставил новый шифр,
все прочее не устарело.
Тут каталоги с трех сторон,
чтобы в пути не заблудиться:
такой-то «фонд»,
а в нем «картон»,
а в том картоне «единица».
Почти как сказка про яйцо,
в котором спрятана иголка...
Я — постороннее лицо,
но мне и сладостно, и горько,
как записи позднейших лет,
снимать с портрета лак и деготь
и властно извлекать на свет
то, что спокойнее не трогать...
Не путеводная ли нить
в листах, моей рукой согретых?**

**Архив не может говорить
сегодня так,
а завтра этак.
Есть у архива свой резон:
на самой дальней полке лежа,
и не востребуемый, он
все говорит одно и то же.**

«УХОДЯЩИЙ ОБЪЕКТ»

— на языке кинематографии — все
то непродолжительное в жизни и
природе, что надо успеть вовремя
отснять.

У вас первоклассный обед,
но мы к вам пришли не за этим.
Ваш гость — «уходящий объект»,
и мы его больше не встретим.

Навек завербован в бойцы,
он в войске особого рода.
И трижды на сердце рубцы
все с фронта,
все с фронта,
все с фронта.

Рубцовая ткань как броня.
Но только поглубже не трогай;

**такая стоит полынья
под этой обманчивой коркой.**

**А список его послужной
закроется разве что смертью...
Напрасно он спорит с женой,
бессменной сестрой милосердя.**

**Все правильно —
правду в глаза
не режут с его-то здоровьем.
«И водки ни капли нельзя», —
твердит она голосом вдовьям.**

**Но, сделав привычный укол,
вдруг вспомнит:
он создан для риска!
Летавший всю жизнь высоко,
неужто он сядет так низко?**

**Красив он, как перед венцом,
берет и гитару к тому же,
и женщина с горьким лицом
глядит с обожаньем на мужа.**

**Как жаль, что бессмертия нет.
«Прощайтесь!» — морозом по коже.
Мы все — «уходящий объект».
И жизнь, если вдуматься, тоже.**

**Наш опыт в кино невелик,
но сладко бывает и грустно
мелькнувший за трапезой миг
возвысить до правды искусства.**

КНИЖНОСТЬ

Отец, вот два билета в клуб.
Там книголюбы выступают.
Ведь ты, я знаю, книголюб,
и мать тебе не уступает.
Линяют мамины меха,
и твой костюм немного вытерт.
Не нумерованы места,
садитесь, где вас не увидят.
А впрочем, это — сущий бред.
Я прибежаться ненавижу.
Входите в высший книжный свет,
садитесь где-нибудь поближе...
Отец, когда же ты читал?
Ломали. Стрости. Рубились.
Ружье и шпалу сочетал
твой незаказанный экслибрис.
В свои преклонные лета
ты полон был одной заботой:
ты мне командовал: «читай»,
как говорил себе: «работай».

Читать запоем — благодать.
Но я краснела отчего-то,
когда, стараясь угадать,
мать путала Гюго и Гёте.
В кругу скептических подруг
как было мне не рассмеяться,
когда, читая книгу вслух,
ты засыпал в конце абзаца?..
Ну хоть теперь поговори
(уже не отмахнешься: «Не с кем!»)
об Ильфе, об Экзюпери,
о лавке Смирдина на Невском.
Ты видишь, здесь царит уют,
приходят не чинясь, не пыжась.
Увы, сюда не забредут
на вид мне ставящие книжность,
твердящие в который раз,
что мысля книжными словами...
Отец, я расскажу о вас
и обо всех, кто рядом с вами,
кто тот же, в сущности, народ,
хоть думает об этом мало,
кому хватало всех работ,
а книжности недоставало.

**И вот вместо всех неудач
приходит такая минута,
когда ты обязан, хоть плачь,
во всем отчитаться кому-то.**

**Как жил, как писал, как любил,
к бессмертью души не готовясь?
О совести ты не забыл?
Не выбросил с ветошью совесть?**

**Что совесть! В утробе дитя,
зашитое в сто оболочек:
среди показного житья
послышится робкий звоночек.**

**Ты можешь ему и не внять
в погоне за мелочным бытом,
бежать, уклониться, вилять,
прикинуться сверхзнаменным...**

**Чем совесть нещадно печет,
каким там «потерянным раем»,
какой предъявляет нам счет,
когда мы почти умираем,**

**когда, хоть молчи, хоть кричи,
уже ничего не поправить,
и только огарком свечи
горит неумная память.**

Когда мне очень нелегко,
гляжусь я в рожицу дитяти
и вижу в ней свое лицо,
не столь уж ангельское, кстати.

И собственным лицом моим
в тот миг я огорчаюсь мало:
морщины выглядят как грим,
далекий от оригинала.

А напряженные черты
и безмятежней, и согласней.
Я к зеркальцу:
— Кто всех прекрасней? —
И дочь мне отвечает:
— Ты!

ГРИБНОЕ МЕСТО

Отыскала грибное место
и стою и глазам не верю.
Отыскала грибное место
я — испытанная тетеря.
Как слепая, бродила в о з л е,
р я д о м, о к о л о — вот так отдых!
Понимала, как мало пользы
в одиноких моих походах.
Верст пятнадцать-то находила,
ноги в ссадинах и поныне,
по грибочку-то находила,
дно покрыла в пустой корзине.
Но чтоб сыпались, как монеты,
чтобы множество шляпок сразу,
чтоб одни — одному заметны,
а другие — другому глазу,
чтобы шеи не разгибая,
не вздыхая о перерыве,
чтоб опушка в с я с п л о ш ь грибная, —
это чудо со мной впервые...

**Без друзей, без семейства
я по лесу шла наудачу,
набрела на грибное место —
и от радости чуть не плачу.**

СОДЕРЖАНИЕ

«Все стареет: Солнце и Земля...» .	7
Документальное кино	8
Баллада об одной комнате *	10
«Немецкая группа была во дворе...»	12
Гаврилов посад *	14
«Две ленинградки...»	16
Партизанская поляна	18
«Тургеневские, милый мой, места...»	20
«Умет или Кирсанов...»	22
Русская борзая	24
Тяга	26
«Родная речь, родное слово...»	28

«Мы ушли от шумихи бесплодной...»	29
Письмо в Баксан	31
Талант *	33
«Вот семейный наш альбом...» *	35
Кресельно-канатная дорога под Нальчиком	37
Свадьба тридцатилетних	39
«Как мала моя дочь!..» *	41
Автомобильный спорт *	43
«Мои друзья задумали родить...»	45
Неразделенная любовь *	47
Крылья	48
«И опять я увижу знакомый ландшафт...»	50
«Мне рассказали странную новеллу...»	52
«Устала я... Поверь и не кори...»	55
Сны	56
Простор	58
Стихи о шубе	60
Слабина	62
«Какой архив мы развели!..»	64
Три майора	65
«Пока росла, все были молодыми...»	67
«Чужой болезни страж...»	68
«Как у меня дела?»	70
Молитва *	72
Дом Даля	74
«— Пора подумать о душе!..»	76
«Везет мне на эти поминки...»	78

В отделе рукописей *	80
«Уходящий объект»	82
Книжность *	85
«И вот вместо всех неудач...»	87
«Когда мне очень нелегко...»	89
Грибное место	90

Жирмунская Тамара Александровна

ГРИБНОЕ МЕСТО

М., «Советский писатель», 1974, 96 стр.
План выпуска 1974 г. № 132

Художник *Е. И. Дорон*

Редакторы *В. С. Фогельсон* и *Ю. В. Никоничев*
Худож. редактор *В. В. Медведев*
Техн. редактор *Т. С. Казовская*
Корректор *С. И. Малкина*

Сдано в набор 22/XI 1973 г. Подписано к печати 5/III 1974 г. А 02235. Бумага 70×108¹/₂, № 1. Печ. л. 3(4,2). Уч.-изд. л. 2,13. Тираж 20 000 экз. Заказ № 752. Цена 23 коп. Издательство «Советский писатель». Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект имени В. И. Ленина, 109

23к.

Гі